

ТРАНСПОЗИЦИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье на материале русского и чешского языков анализируются случаи транспозиции грамматических категорий и их граммем, вызывающие межъязыковую асимметрию функционально-семантических эквивалентов, их морфологическую разнооформленность.

Транспозиция морфологических категорий широко представлена в славянских языках и в синхронном плане разносторонне исследована (Широкова 1983, 1998; Грабье 1983; Молошная 2006). При анализе транспозиции в родственных славянских языках обращают на себя внимание многочисленные случаи нарушения морфологической симметрии функционально-семантических эквивалентов. Они объясняются обычно узуальными различиями. Однако при описании типологии родственных языков простая констатация фактов наличия таких различий представляется явно недостаточной. Для более полного понимания направления развития родственных языков необходимо выявить причину существующих различий, дать им объяснение, проанализировать закономерности функционирования в родственных языках морфологически асимметричных средств выражения идентичного смысла. Поставленные вопросы имеют фундаментальный характер. Ответы на них требуют детального анализа каждого случая межъязыковой функциональной асимметрии, привлечения широкого фактического материала, обращения к диахронии. В рамках статьи может быть дано объяснение лишь отдельным случаям межъязыковой функциональной асимметрии, что и предлагается в нижеследующем изложении языковых фактов.

При выявлении причин межъязыковой функциональной асимметрии обнаруживается типовой «порождающий фон» межъязыковой дивергентности. Формирующие его структуры обнаруживают тесные синхронно-диахронные взаимосвязи. Имеется в виду, в частности, утрата в процессе исторического развития одних морфологических форм и появление новообразований, «перераспределение» между морфологическими формами функциональной нагрузки, условная произвольность ассоциаций при ре-

презентации мыслительного содержания, особенности взаимодействия лексических и грамматических средств выражения и др.

Возможность транспонирования морфологических категорий и их граммем заложена, как представляется, в самой природе языковых категорий, как групп «языковых элементов, выделяемых на основании какого-либо общего свойства» (ЛЭС 1990: 215). «Общее свойство», объединяющее группы языковых элементов, может быть дееспособным при одном непременном условии – высокой степени обобщённости, отвлечённости от субъективных качеств и свойств объективируемых сущностей, от их частных признаков. Иначе говоря, общекатегориальное значение должно иметь предельно высокую степень абстракции. Общекатегориальные значения морфологических, как, впрочем, и синтаксических категорий, – это мыслительные конструкты, которые в конкретных ситуациях высказывания расщепляются на составляющие их структуры. Происходит разветвление общекатегориального значения, развёртывание мысли. А это неизбежно допускает определённое разнообразие в способах языковой репрезентации понятийного содержания. Отсюда и возможное пересечение морфологических категорий. Таким образом, конкретизация общекатегориального значения открывает путь к транспозиции. Ограничимся лишь одним примером анализа взаимодействия абстрактного и конкретного в рамках морфологической категории повелительного наклонения.

В русском языке, как и в других славянских языках, общекатегориальным значением повелительного наклонения является выражение побуждения собеседника к действию с высокой степенью проявления субъективного отношения говорящего к высказыванию. Абстрактное значение побуждения конкретизируется в ряде частных значений, в нескольких возможных типах побуждения: 1) настоятельный приказ: *Молчите! Уже всё сказано*; 2) выражение просьбы: *Открой, пожалуйста, окно*; 3) совет: *Лечись как следует*; 4) предостережение, запрет: *Не высовывайся из окна!* 5) назидание: *Веди себя достойно*. Все частные значения побуждения являются категориальными, ибо сохраняют инвариантный признак категориальности – субъективное отношение говорящего к действительности и могут рассматриваться как видовые по отношению к общекатегориальному родовому. Однако все обозначенные типы побуждения в русском языке выражаются и иными языковыми средствами. Ср: 1) настоятельный приказ: *Молчать!* 2) просьба: *Ты не мог бы открыть окно*; 3) совет: *Полечился бы как следует*; 4) предосте-

режение, запрет: *Не высовываться из окна!* 5) назидание: *Ты должен вести себя достойно.* Определённый изоморфизм морфологических средств, обусловленный многогранностью объективируемых явлений, создаёт условия для их взаимодействия и транспозиции. При этом ситуации высказывания являются главным актуализатором востребованного смысла. Сопряжённость категориальных значений создаёт наглядность, образность, эмоциональный накал в воспроизведении внеязыковых реалий. Выбор транспонируемых форм на фоне изоморфизма не является случайным, в каждом языке он имеет своё обоснование.

Оставаясь в пределах категории повелительного наклонения в русском языке, позволено констатировать, что одной из широко транспонируемых морфологических форм в область индикатива в разговорном языке и просторечии оказывается форма неизменяемого императива, что имеет объяснение. Неизменяемый императив в условиях транспозиции, когда собственно побудительное значение ослабевает, сохраняет своё инвариантное значение – субъективное отношение говорящего к действию, сохраняется модальный статус категории императива. Неизменяемость морфологической формы обеспечивает реализацию разносторонних референциальных отношений – возможность отнесённости высказывания практически к любому участнику, как и неучастнику, коммуникативной ситуации. Важно и то, что форма неизменяемого императива имеет широкую семантическую палитру. Это значение долженствования, обычно с негативной оценкой происходящих событий; выражение мгновенности, произвольности действия, с яркой экспрессивной окраской, так называемый драматический императив; выражение условной желательности, а также обусловленности действия, уступительные значения и некоторые другие. Ср. несколько примеров: *Вы гуляете, а я работаю; Они опаздывают, а ты отвечай; А мы теперь тяни эту ляжку; Я и слова не скажи; А он и позабудь об этом; Скажи ей об этом, всё обернулось бы иначе; Имей я власть, всех бы посадил за решетку; Что ни говори, а дело сделано.* Несмотря на то, что неизменяемый императив занимает периферийное положение в общем объёме категории императива, имеет явные стилистические ограничения, он оказывается одной из причин нарушения межязыковой функциональной симметрии при транспонировании морфологических категорий в область индикатива.

Дело в том, что в чешском языке, как и в других западнославянских языках, неизменяемый императив как факт системы отсутствует. В связи с этим модальная и эмоциональная нагрузка форм неизменяемого

императива в этих языках выполняется другими языковыми средствами. Функционально-семантическим эквивалентом неизменяемого императива в чешском языке оказываются формы сослагательного наклонения: Вы едете, а ты дома *оставайся*. – *Vy si jedete, a člověk aby seděl doma; Они развлекаются, а я работай*. – *Oni se baví, a já abych pracoval; Скажи он раньше, всё можно было бы устроить*. – *Kdyby byl řekl dřív, dalo by se všechno zařídit* (Př.MR 1961: 206). Однако «в древнечешском языке можно найти случаи употребления неизменяемого императива» (Грабье 1983:124). Таким образом, утрата одним из родственных языков некогда общей морфологической формы на современном уровне служит причиной межъязыковой асимметрии функционально-семантических эквивалентов. В русско-чешском аспекте весьма часты случаи межъязыковой функциональной асимметрии и при транспонировании морфологических форм в область сослагательного наклонения. В разговорном чешском языке в область сослагательного наклонения со значением желательности или обусловленности действия возможно транспонирование форм инфинитива: *Mít peníze, vydal bych se na cestu*. – *Имей я деньги, / Будь у меня деньги, я отправился бы в путешествие; Vědět já k čemu to dojde, zařídil by to jinak*. – *Знай я, к чему это приведёт, всё организовал бы иначе; Nebýt tebe, špatně by to dopadlo*. – *Не будь тебя, / Если бы не ты, всё бы плохо кончилось*. Транспонированные в область сослагательного наклонения чешские инфинитивные конструкции выражают высокую степень эмоциональности, что восходит к инфинитивным желательным конструкциям, известным с конца XVI века (Porák 1967: 95).

В русском языке инфинитивные конструкции, которые бы в содержательном и семантическом плане полностью перекрывались с обозначенными чешскими конструкциями, отсутствуют. Встречающиеся иногда в русских поговорках инфинитивные конструкции со значением обусловленности действия ни в содержательном, ни в стилистическом отношении не сопоставимы с инфинитивными желательными конструкциями в чешском языке. В отличие от чешских инфинитивных конструкций с конкретным субъектом, инфинитивные конструкции в русском языке обращены, как правило, к обобщённому субъекту. В содержательном плане они характеризуются назидательностью, в стилистическом – не имеют того экспрессивно-личностного накала, который характеризует чешские конструкции. В отличие от чешских волонтивных конструкций, русские конструкции являются, скорее, информативными. Ср.: *Хорошо трудить-*

ся — хлеб уродится; Грамоте учиться всегда пригодится. Семантические и стилистические отличия нарушают функционально-семантическую тождественность в структурном отношении близких конструкций. И в этом случае в русском языке в качестве функционально-семантического эквивалента употребляется неизменяемый императив (см. выше).

Собственно желательные инфинитивные конструкции в русском языке часто образуются с участием частицы **бы**, восходящей к аористой форме глагола **быть**: *Поспать бы!* *Вам бы поехать в санаторий.* *Нам бы так жить!* Однако в указанных и подобных случаях в чешском языке инфинитивные конструкции не употребляются. Причина заключается в неравнозначном перераспределении функциональной нагрузки исторически соотносительных морфологических форм. Русские конструкции с частицей **бы** являются вариантами стилистически нейтральных конструкций сослагательного наклонения с потенциально возможной реализацией действия: *Я бы поспал (а); Поехали бы вы в санаторий; Если бы мы так жили!*

В современном чешском языке, как и в других западнославянских языках, аористная парадигма глагола **být** сохранилась полностью. Формы аориста этого глагола участвуют в образовании сослагательного наклонения (*jela bych, jel bys, jel by...*). Они не перешли в разряд частиц, в отличие от современной частицы **бы** в русском языке, и не сочетаются с формами инфинитива. Этим объясняется асимметричность функционально-семантической эквивалентности русских инфинитивных конструкций с частицей **бы** и конструкций сослагательного наклонения в чешском. Ср: *Поесть бы!* — *Já bych jedl(a).* *Вам бы отдохнуть.* — *Měl(a) byste si odpočinout.* *Только бы закончить эту работу вовремя!* — *Jen abych (abychom) dokončil(i) tu práci včas.* Следует заметить, что по той же причине нарушается структурная соотносительность делиберативных вопросов с частицей **бы** в русском языке и их функционально-семантических эквивалентов в чешском. Русские инфинитивные конструкции и в этом случае соотносятся также с формами сослагательного наклонения в чешском. Ср.: *Куда бы мне теперь пойти?* — *Kam bych ted' šel?* *Что бы мне сказать?* — *Co bych měl říct?* *Что бы почитать?* — *Co bych si tak počel?* Соотносительность инфинитивных конструкций с частицей **бы** в русском языке с формами сослагательного наклонения в чешском является, как очевидно, следствием исторической модификации категориальных форм.

В чешском языке формы аориста глагола **být** прочно закрепили своё положение в составе сослагательного наклонения. В русском языке остаточная аористная форма **бы**, перешедшая в разряд частиц, хотя и отличается морфологической полифункциональностью, тем не менее её участие в образовании форм сослагательного наклонения в русском языке объясняет факт межъязыковой функционально-семантической соотносительности инфинитивных конструкций и форм сослагательного наклонения в обозначенных выше случаях. Можно полагать, что более широкие транспозиционные возможности сослагательного наклонения в чешском языке по сравнению с русским связаны, в частности, как с сохранением аористных форм глагола **být**, так и с утратой форм неизменяемого императива. Сослагательное наклонение в чешском языке, наряду с рядом функций, приняло на себя также функции, выполняемые в русском неизменяемым императивом и инфинитивными конструкциями.

При межъязыковом сопоставительном анализе справедливо обращается внимание на то, что функционально-семантические объёмы структурно тождественных морфологических категорий не перекрываются (Широкова 1983). Существующее положение имеет своё объяснение. Одной из наиболее очевидных причин (помимо отмеченных выше), обуславливающих функциональную асимметрию семантических объёмов, оказываются неодинаковые типы ассоциаций, положенные в основу репрезентации одной и той же внеязыковой реальности. Многогранность признаков каждого явления действительности создаёт благоприятные условия для различий в способах представления идентичной информации. Именно особенности типов ассоциаций объясняют «неодинаковое членение в разных языках континуума окружающего нас мира» (Кривонос 2006:169). Членение континуума происходит не только на лексическом, но и на грамматическом уровне. Ассоциации расчленяют как конкретные объективируемые сущности, так и признаки этих сущностей. Так, например, в сопоставляемых нами языках по-разному рассматриваются процессуальные действия с лексическими показателями кратности, относящиеся к прошлому. В русском языке они трактуются как узуальные, повторяющиеся действия. Для их репрезентации закономерно используется форма глагола несовершенного вида. Ср.: *Отец редко когда улыбался; Всякий раз бабушка привозила детям подарки; Он всегда вежливо раскланивался.* Однако показатель кратности действия позволяет рассматривать каждый отрезок динамического про-

песса как целостный, имеющий свой семантический предел. Именно эта внутренняя завершенность процессуального отрезка, на общем фоне регулярной повторяемости действия, воспроизводится в чешском языке, когда используется форма глагола совершенного вида, обычно в прошедшем времени. Ср. чешские соответствия вышеуказанных русских предложений: *Otec se usmál málokdy; Pokaždé přivezla babička dětem dárky; Vždy se zdvořile uklonil.*

Приведённые примеры, число которых можно свободно увеличить, подтверждают условную произвольность языкового знака, что приводит к нарушению функциональной тождественности аналогичных языковых средств. Само явление межъязыковой морфологической асимметрии в данном случае можно рассматривать как транспозицию граммем в пределах одной морфологической категории: «проникновение» форм глаголов совершенного вида в область функционирования глаголов несовершенного вида. Подобная межъязыковая функциональная асимметрия обнаруживается при сопоставлении семантических объёмов граммем категории числа имен существительных. Имеются в виду случаи межъязыковой асимметрии при объективации реальной дискретной множественности. В чешском языке с большей регулярностью, чем в русском, при выражении дискретной множественности используется форма множественного числа. «Чешский язык изобилует фактами, свидетельствующими об особой любви чешского человека к плюралистическому называнию и выражению мыслей». (Eisner 1946: 94). Одним из наглядных подтверждений «любви чешского человека к плюралистическому выражению мыслей» служат, в частности, многие назывные конструкции, употребляющиеся в качестве наименований разного рода предприятий, творческих и других коллективов, профессиональных праздников и др. Последовательное употребление в чешском языке формы множественного числа при выражении дискретной множественности и столь же последовательное употребление формы единственного числа при выражении той же внеязыковой реалии в русском имеет своим результатом межъязыковую корреляцию значений расчленённости реальной множественности (в чешском) и обобщённой собирательности (в русском). Ср.: *továrna na výrobu umělých vláken* – фабрика по производству искусственного волокна, *Oděvy* – Одежда (название магазина), *Den učitelů* – День учителя, *čekárna pro matky s dětmi* – комната матери и ребёнка, *Divadlo mladých diváků* – Театр юного зрителя, *soubor*

písni a tanců – ансамбль *песни и танца* и многие другие. Возможность представления языковых реалий как **класса** однородных членов и как всех **представителей класса** создают в данном случае условия для транспонирования формы единственного числа в область функционирования формы множественного числа. Транспонированная форма со временем становится «языковой привычкой».

Нельзя не отметить, что употребление формы множественного числа при объективации дискретной множественности имеет в чешском языке давнюю и прочную традицию. Показательно, что она нашла своё яркое отражение и в древних топонимах. По свидетельству А.Профоуса (Profous 1954-1957), весьма значительная часть исторических чешских поселений получала свои наименования по названию их обитателей и включалась в разряд существительных *pluralia tantum*. Ср.: *Vorovany* – *деревня людей, живущих в сосновом лесу*; *Brozany* – *деревня людей, живущих у брода*; *Hvožd'any* – *деревня людей, живущих в густом лесу*; *Vysočany* – *деревня жителей возвышенности*; *Poděbrady* – *деревня безбородых*; *Poděvousy* – *деревня безусых*; *Hrdlořezy* – *деревня головорезов* и многие другие. Пристрастием носителей чешского языка к форме множественного числа при назывании мест (Profous 1957:174) может служить объяснением морфологической асимметрии форм числа заимствованных обоими языками топонимов. Ср.: *Sopoty* – *Conot*, *Tyroly* – *Tyroль*, *Antverpy* – *Антверпен*, *Špicberky* – *Шпицберген* и др.

Обобщая результаты нашего фрагментарного анализа, нельзя не сказать, что объяснение причин межъязыковой асимметрии функционально-семантических эквивалентов не только позволяет выявить национальную специфику родственных языков, но и подводит к одной из основополагающих проблем теоретической лингвистики – проблеме взаимопроницаемости классов слов как в монолингвальном, так и в полилингвальном аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Грабье В.** Семантика русского императива // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. – М.: Изд-во МГУ, 1983.
2. **Кривонос А.Т.** Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». – Москва-Нью-Йорк, 2006.

3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
4. **Молошная Т.Н.** Типология некатегориальных значений грамматических категорий глагола в славянских языках // Типология грамматических систем славянского пространства. – М.: Институт славяноведения РАН, 2006.
5. **Широкова А.Г.** Проблематика транспозиции форм наклонения в славянских языках (на материале чешского и русского языков) // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. – М.: Изд-во МГУ, 1983.
6. **Широкова А.Г.** Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. – М.: Изд-во МГУ, 1998.
7. **Eisner P.** Chrám a tvrz. Praha, 1946.
8. **Porák J.** Vyvoj infinitivních vět v češtině. Praha: Univerzita Karlova, 1967.
9. **Profous A.** Místní jména v Čechách, jejich vznik, původní význam a změny. Praha, 1954-1957.
10. **Příruční mluvnice ruštiny, d. 1.** Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1961.

Վ.Ֆ. ՎԱՍԻԼԵՎԱ

ՉԵՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԿԱՐԳԵՐԻ ԴՐԱՓՈԽՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ
ՄԻՋԼԵԶՎԱԿԱՆ ԳՈՐԾԱՆԱԿԱՆ ԱՆՀԱՍՍՉԱՓՈՒԹՅՈՒՆԸ
(ՈՌՈՒՄԵՐԵՆԻ ԵՎ ՉԵԽԵՐԵՆԻ ՆՅՈՒԹԻ ՀԻՍԱՆ ՎՐԱ)

Ամփոփում

Հոդվածում ռուսերենի և չեխերենի նյութի հիման վրա վերլուծվում են քերականական կարգերի և նրանց քերականության դեպքերը, որոնք հանգեցնում են գործառական – իմաստային համարժեքների միջլեզվական անհամաչափությանը, դրանց ձևաբանական տարաբնույթ կազմավորվածությունը: Գործառական – իմաստային համարժեքների միջլեզվական անհամաչափության պատճառների բացատրությունը ոչ միայն թույլ է տալիս վերհանել ցեղակից լեզուների ազգային յուրահատկությունները, այլև մոտեցնում է տեսական լեզվաբանության հիմնարար հիմնախնդիրներից մեկին՝ բառերի դասերի փոխներթափանցելիությունը ինչպես միալեզվյան, այնպես էլ բազմալեզվյան հայեցակետերից: